

„МЫ ВСЕГДА ОСТАВАЛИСЬ БОРЦАМИ“

Летом 1906 года на Пономаревском острове близ Саратова на Волге были схвачены полицией 18 человек. Их поместили в печально знаменитый «столыпинский корпус» — тот самый, который губернатор города Столыпин особо оборудовал. В заточении оказались делегаты конференции социал-демократических организаций Рязанско-Уральской железной дороги. Конференция была собрана нелегально с целью образовать единую социал-демократическую организацию железной дороги и выработать ее устав. Арест большевиков сорвал, не позволил завершить эту работу, но не сломил духа революционеров, не поколебал их решимости продолжать борьбу, их веры в грядущую победу великого революционного дела. Оказавшись в тюрьме, они не сложили оружия. Ротмистр Мартынов, начальник саратовского охранного отделения, доносил директору департамента полиции: «Тюремная администрация поместила всех арестованных в одну камеру. Участники конференции, пользуясь слабым тюремным надзором, не только закончили свои работы по выработке устава, но и стали через посредство других лиц рассылать на места разработанный в тюрьме устав организации».

Продолжение на стр. 4.

В жизни всегда находятся люди, готовые жертвовать собой ради общего дела. В хоккейной команде такой человек — вратарь...

Когда-то я и сам стоял в хоккейных воротах. И отражал шайбы, которые бросали Николай Снетков, Юрий Баулин, Юрий Волков, Эдуард Иванов... Но тогда они еще не были чемпионами мира и Олимпийских игр. И матчи эти проходили не в застекленных дворцах, а на обыкновенной дворовой площадке без бортиков. И клюшки наши были из гнутой проволоки. А шайбы для игры мы вырезали перочинными ножами из стоптанных резиновых каблуков. Давно это было.

Настоящим хоккейным вратарем я так и не стал. Но очень завидовал им, настоящим. И всегда восхищался ими.

Хоккей азартен, а потому безжалостен. Безжалостен к вратарю. Крутящийся смерч хоккейной атаки бросает свой яростный вал из ворот. Порыв и страсть атакующей команды направлены на него, на вратаря. Ошеломить и запугать! Сбить с толку! Уложить на лед! И забросить, забить шайбу!

Ворота — это мишень. Попасть в мишень — желанная цель и смысл игры. Шайбы летят в ворота со всех сторон. Летит, как пули. Их встречает вратарь. Помню время, когда вратари нашего большого хоккея (правда, его тогда еще не называли «большим хоккеем») выезжали на лед не в сетчатых масках и пластмассовых шлемах, а в кепках, свитерах, широких шароварах, к которым были приторочены тщедушные пиджачки. И тяжелые вратарские клюшки поначалу мешали им. А правила требовали, чтоб вратарь играл непременно с клюшкой. И тогда один из них придумал выход: смастерил маленькую клюшку наподобие тепличных сувенирных, прикрутил ее веревками к руке так, чтобы не слишком мешала, и вышел на матч.

Фото
С. Лидова

ОДИН ЗА ВСЕХ

Первые наши хоккейные вратари! Они защищали грудью не только ворота. Они защищали ею весь наш хоккей. Это их жертвенному долготерпению мы обязаны тем, что советский хоккей быстро встал на ноги и форварды научились сильно и точно посылать в ворота шайбу — и коварным кистевым пасом, и могучим, хлестким щелчком.

Как не вспомнить сегодня маленького, верткого и бесстрашного Григория Мкртчяна, защищавшего хоккейные ворота ЦДКА, всегда невозмутимого голкипера «Крыльев» Бориса Запрягаева, футбольного полузащитника, сменявшего простор зеленого поля на тесный пятячок у хоккейных ворот, других наших вратарей, положивших начало вратарской школе советского хоккея. Им некому было подражать. Приемы вратарской игры они постигали сами во время тренировок и матчей.

Любители спорта, свидетели первых игр хоккея с шайбой, припомнят и подскажут мне фамилии многих вратарей, защищавших ворота наших лучших команд. И в том числе, конечно же, назовут и Льва Яшина, начинавшего свою замечательную карьеру в большом спорте с маленьких хоккейных ворот.

В ту пору, повторяю, вратари играли без маски, и зрители видели, как ходят желваки на щеках Николая Пучкова, когда у его ворот вращалась стремительная хоккейная карусель. «Этот вратарь — настоящий викинг. Его хладнокровие поразительно. Его стальные, немигающие глаза словно парализуют форвардов» — так о Николае Пучкове написала стоковская газета «Свенска Дагбладет» в номере от 8 марта 1954 года после того, как дебютанты мирового чемпионата, советские хоккеисты, разгромили доселе непобедимых канадцев со счетом 7:2 и завладели главными хоккейными призами — мировым и европейским кубками. «Лучший вратарь мирового хоккея» — этот титул дважды присуждался Николаю Пучкову по итогам мировых чемпионатов.

**ЮНОШЕ,
ОБДУМЫВАЮЩЕМУ
ЖИТЬЕ**

3

Обратите внимание на одно обстоятельство: в сборной СССР по хоккею никогда не было незаменимых форвардов, незаменимых защитников. А вратарь был всегда один. Незаменимый. Сначала Николай Пучков. Затем Виктор Коноваленко. Теперь Владислав Третьяк. Вратарями не рождаются. Ими становятся. Принцип «человека в маске» — один за всех. Чтобы принять этот принцип, нужны житейская мудрость, жизненный опыт. Мужество, стойкость, хладнокровие — это тоже опыт. Всегда считалось: хорошим вратарем может стать лишь человек в возрасте, с рубцами многих хоккейных сеч. А мальчишка — нет. У мальчишки психика не та.

Владислав Третьяк опроверг это утверждение. Он вышел на лед в составе знаменитой хоккейной команды ЦСКА, когда ему было только 18. И сразу же стал знаменитым. В один вечер. Вратарскому искусству Третьяка учили с детства. Он стал вратарем в 18 лет потому, что до него играли на льду Григорий Мкртчян, Николай Пучков, Виктор Коноваленко и другие. Они создали вратарскую школу. И в этой школе изучают теперь хоккейные науки мальчишки. Они быстро взрослеют. И мучают.

М. БЛАТИН,
спортивный обозреватель
«Комсомольской правды»

**Владислав
Третьяк:
ЭТА ШАЙБА МНЕ
СНИТСЯ ДО СИХ ПОР...**

**Анатолий Тарасов, тренер:
Я МОГУ СРАВНИТЬ ТРЕТЬЯКА
С ВЕЛИКИМИ АКТЕРАМИ...**

Наша любимая команда — ЦСКА, а семейный любимец — Третьяк. Мы покорены его талантом и спортивным мастерством... Однажды был такой случай. У нас испортился телевизор, а в этот день наша сборная играла со сборной Чехословакии. И старший брат Саши договорился с соседским мальчишкой: если наши проигрывают, тот постучит по батарее. Долго мы ждали сигнала, но не дождались. Потом оказалось, что сосед не дождался окончания матча и уснул. Мы долго смеялись над ним... Расскажите, пожалуйста, в «Кругозоре» о вратаре нашей сборной хоккейной команды. Семья Каримовых, г. Петропавловск.

**XXV СЪЕЗДУ КПСС—
ДОСТОЙНУЮ ВСТРЕЧУ!**

Вот и прослушана звуковая страница. И, глядя на остановившийся диск, попробуй теперь угадать, где та бороздка, у которой стихает голос производственного мастера-воспитателя и начинается говорить космонавт, чтобы передать слово ученому.

Подумалось: на слова тоже надо иметь право. Заслужить это право человек может только делами. Они, дела человеческие,—основа основ. И пусть порой невозможно распознать, где, в каких точках смыкаются героические деяния и обыкновенные дела, сливаясь воедино, они складываются в ту уводящую к неведомому спираль, по которой движется прогресс.

Так подумалось, а вспомнилось...

Южная кромка Тургайской степи. Глинобитная дорога—рыжая, как солдатский ремень. В самом дальнем, чуть различимом глазом конце этой дороги, у восхолмленного горизонта, заходящее солнце—точно пряжка на солдатском ремне.

С севера в дорогу упирается последняя клетка распахнутой целины. Там, по ту сторону дороги, лежит первозданная, еще не взятая в работу степь, и, когда дует северный ветер, колосья пшеницы—хочешь не хочешь—напомнят стрелки дорожных указателей. Тысячи стрелок, тысячи указателей. И все они устремлены на юг, туда, где ждет своего хозяина еще не вспаханная степь. И о том же говорит самодельный обелиск, вставший у дорожной обочины. Помню, как вылез я из кабины, привлеченный этой белой неожиданностью. «Мы начинали. Вам продолжать»—бросилось в глаза с обветренного камня.

«Наставники как бы передают эстафету труда из настоящего в будущее»,—сказал Л. И. Брежнев в апреле 1975 года на XVII съезде ВЛКСМ. Тогда же первые наставники О. П. Вахмянина (на фото), С. С. Витченко, П. Н. Печенкин, А. Л. Шатилин были удостоены звания Героя Социалистического Труда.

ВАМ

«Мы»... Просто «мы»... Удивительно емкое местоимение. Я, ты, он—все это мы.

Да, есть подвиги, которые вершатся сразу сотнями и тысячами, если не миллионами людей. Каждый в отдельности человек вроде бы не делает ничего выдающегося. Он даже уверен, что его дело самое будничное. Но если сложить все эти, казалось бы, незаметные усилия, все эти обыденные дела, то оказывается: мы совершили подвиг.

Как-то в одной заграничной поездке Юрия Гагарина спросили:

— Какое чувство вы испытывали, став Героем Советского Союза?

И первый наш космонавт ответил:

— Присмотритесь к этой звездочке. Видите, на ней выбит порядковый номер. До меня были герои и, понятное дело, будут после. Этот номер не конечный...

Мастер-наставник

С. С. Витченко:

«ВЫ САМИ ПОПРОБУЙТЕ!» — ОН МНЕ.

ПОСЛЕ ТАКОЙ ЕДКОЙ РЕПЛИКИ Я СТАЛ ПРИХОДИТЬ НА ДВА ЧАСА РАНЬШЕ НА РАБОЧЕЕ МЕСТО. ИСКАЛ ТОНКОСТИ...

Космонавт П. Р. Попович:

НАДО ПОСТАВИТЬ СЕБЕ КОНЕЧНУЮ ЦЕЛЬ. БЕСЦЕЛЬНО ЖИТЬ — ЭТО НЕ ЖИТЬ.

Научный работник

Р. П. Кудрявец:

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ЗНАЕТ, ЧЕМ ЕМУ ЗАНЯТЬСЯ, — НЕУДАЧНИК.

Каждый ли из нас вот так отчетливо осознает свое место в жизни, которая движется вперед, потому что живут и действуют люди?

«Мы начинали. Вам продолжать»...

«Этот номер не конечный»...

Герои безымянные и герой, имя которого знает все человечество.

Но вдумайтесь: слова разные, а смысл, заложенный в них, один и тот же — «доведи до конца мое дело и начни новое».

Конечно, есть люди, в сознании которых не совмещаются такие понятия, как «я» и «мы», для которых существует только противопоставление: «я» — «они». «Я» более ловкий, чем «они», поэтому «я» могу с легким сердцем обманывать «их». Проста до примитива эта философия, приверженцы которой возводят в кумир изворотливость. Это ими придумана поговорка: «Хочешь жить — умей вертеться». И ловкач вертится, изворачивается, потому что легкая жизнь достается очень и очень нелегко.

Да, можно совершать деяния, можно делать дело, а можно обдѣлывать де-лишки. Но до чего же суетными кажутся мелкие затруднения тех, кто дальше длинного рубля ничего не видит, если сравнить их — а ведь все познается в сравнении — с заботами людей, которые осознали, что Мы преемники, Мы продолжатели, Мы наследники.

Об этом думалось мне над отзвучавшей страницей. Теперь дело за вами. Поставьте ее на проигрыватель и — в путь, по спирали в неизведанное. Слушайте... думайте... вспоминайте...

Адольф ДИХТЯРЬ

Фото Л. Лазарева

ПРОДОЛЖАТЬ

МЫ ВСЕГДА ОСТАВАЛИСЬ БОРЦАМИ

Перед вами уникальный снимок. Сделан он почти 70 лет назад — в 1906 году. Конечно, снимок «любительский», как бы сказали сейчас. Но изображение все же достаточно четкое. Трудно представить себе, что сфотографированы эти четыре человека так давно.

Самодельный аппарат, которым был сделан снимок в тюрьме (1906 г.).

была быть экспозиция, выдержка во времени при съемке в исключительно сложных световых условиях тюремной камеры! Ведь и аппарат-то был самодельный. Узнанием тюрьмы пришлось надолго «замереть» перед объективом.

История этого снимка связана прежде всего с именем Николая Андреевича Кингина, члена партии с 1906 года. На фотографии он — справа, в светлой косоворотке.

**Первая звуковая страница:
Большевик-ленинец
Николай
Андреевич
Кингин:
МЫ И В ТЮРЬМЕ
НЕ ПЕРЕСТАВАЛИ
БЫТЬ**

**ПРОВОДНИКАМИ
МАРКСИСТСКОЙ
ТЕОРИИ.
ЖАНДАРМЫ,
КОНЕЧНО,
НЕ ПРЕДПОЛАГАЛИ,
ЧТО МЫ БУДЕМ
ЗАНИМАТЬСЯ «КАПИТАЛОМ»...**

Вглядитесь в лица молодых революционеров. Строги, спокойны, горды, решительны эти люди. Они спаяны единой борьбой, единой целью, верностью пролетарской солидарности, великому делу революции. В тюрьме овладевали они могучим идейным оружием, революционной теорией — изучали «Капитал» Карла Маркса.

Несколько статична композиция фотографии. Но представьте себе, какой должна

Это человек яркой, героической судьбы. После следствия, тянувшегося более года, по приговору саратовской судебной палаты его, как и других товарищей, сослали на вечное поселение с лишением всех прав в Енисейскую губернию, в деревню Пинчуга на Ангаре. В бумагах, сопровождавших закованных в ручные кандалы арестантов, значилось: «Склонен к побегу». До Красноярска они добирались целый месяц, а еще через ме-

сяц — в марте 1908 года — Николай Кингин бежал из ссылки и вновь появился в Саратове...

Понимание и поддержку он встречал не только среди товарищей, но и со стороны родных. В революционной борьбе участвовал его брат Леонид, верной помощницей им обоим была мать — Екатерина Михайловна Кингина. Она и сохранила негатив и снимок, который ныне экспонируется в Музее Революции СССР, а

Советской власти для детей-сирот. На всю жизнь сохранили они горячую любовь к «дяде Коле» — своему первому учителю и наставнику.

«Я, старый большевик, горжусь тем, что мы, коммунисты-ленинцы, первыми проложили пути в коммунизм — светлое будущее всего человечества», — писал Кингин в 1961 году. Он часто выступал перед рабочей аудиторией, и встречавшиеся с ним неизменно проявляли

также в Московском музее Маркса и Энгельса. И всегда с особым интересом рассматривают посетители диковинный аппарат, которым сделана фотография в тюрьме.

Ветеран ленинской партии, Николай Андреевич Кингин всегда считал своим гражданским долгом содействовать воспитанию молодежи в духе верности революционным традициям. Он шефствовал над одной из трудовых пионерских коммун, созданных на заре

большой интерес к истории снимка, запечатлевшего четырех участников революционных событий в начале века.

Мне довелось беседовать с Николаем Андреевичем. Он рассказал о встречах с Владимиром Ильичем Лениным, о революционной юности своего поколения. И, конечно, ответил на вопросы, связанные с историей уникальной фотографии.

К. ВОЕВОДИНА

Геворг ЭМИН

Вчера увидел я
Большущий глобус.
И в миг ушли
Сомнения и робость
Пред будущим...

Я обратил внимание.
Что шар земной,
Одетый сеткой градусной,
Похож на воздвигаемое здание
В железной арматуре многоярусной
Или на дом
В лесах ремонта капитального...

О, неужели то осуществляется,
О чем века мечтали действительно?
И мир наш
Капитально обновляется
И строится на совесть,
основательно?

Всю ночь не спал
от этой мысли радостной...

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Сколько раз я твердил ей.
Художнице этой безумной,
Имя которой—осень:
— Зачем так бездумно
Тратить краски?
Сто раз повторял ей упорно я:
— Растрянжирила все ты:
Оранжевое,
Зеленое,
Красное.
Желтое,
Даже черное!..

...Но, вдохновением опьяненная,
Она и слушать меня не хотела...
И вот сейчас.
Все краски истратив.
Кистью машет
И мажет
Одной только белой
Все, что попало,
Некстати и кстати.—
Маня или блажь?
Реки,
Поля,
Горы,
Улицы
И заборы.
Изображая зимний пейзаж...

МЫ

Чем были мы
И что было с нами?..
Если вещи
Своими назвать именами:
Кораблем,
наскочившим на голый утес,
Чашей, полной горючих слез,
Землей, от ужаса окаменелой,
Камнем, взмывающим в небо—
Но разве докличешься?!—
Духом могучим, лишенным тела,
Редким качеством без количества,
Военачальником, но без войска,
Культом древности и героизма..
Чем были мы?
Если без обиняков:
Странником—у родных берегов,
Гостями—у собственных очагов,
Рекой, лишь один имеющей берег,
Горой, что виднеется лишь вдали,
Долиной—в скорби, крови, потерях
Землей—без народа,
Людьми—без земли.
Зернами ожерелья сорванного—
Рассыпанными—не собранными..

Рисунки А. Борисова

Да, мы маленький народ—
Подобный
Камню.
Взявшему с горы разбег,
Что в сто раз сильнее
Скалы огромной,
На земле свой простоявшей век.
Маленький народ мы!
Но ответьте:
Кто это придумал в черный час
Нас давить, сжигать тысячелетью
Так, что превратились мы в алмаз?
Кто придумал, чья это причуда—
Нас рассеять, чтобы отовсюду
Вам—как звезды в небе—
Видеть нас?..
Маленький..
Но посмотри на карту.
Как границы распространены:
Вглубь—от Лусавана до Урарту.
Вверх—от Бюракана до Луны..
Как урана малая крупница.
Он великой силой наделен
И—не иссякает,
И—лучится,
И—пребудет до конца времен.

Коль судьба не улыбнулась
Вдруг тебе на этот раз,
Не грусти: своей заботой
Одарит тебя потом...

Если строчка отвернулась
От тебя на этот раз,
Не печалься! Поработай
Головою и пером...

Коль с тобою разлучилась
Вдруг любовь на этот раз,
Не грусти о том нисколько:
Что ж, случается порой...

Но как быть, скажи на милость,
Если жизнь не удалась?..
Не начнешь ее сначала:
Не положено второй...

Перевод с армянского
Елены Николаевской

Говорят,
отстаивать звание
чемпиона труднее,
чем завоевать его.
— Коньки должны
быть всегда
остры, особенно
в олимпийскую зиму,
считают И. Моисеева
и А. Миненков.

фото А. Лидова
и С. Ветрова

Такое правило: будь то тренировки, соревнования, подошел срок — распахиваются створки бортика, и на белый прямоугольник торжественно выкатывается машина. Круг за кругом, с упорством часовой стрелки движется она. Сливает царапины на льду, сглаживает росчерки от коньков неудачников и счастливых. Стирает все следы. Только в судейских протоколах остаются строчки спортивных биографий да еще в нашей памяти...

У тренеров свои причуды. Моисееву и Миненкова, катавшихся поодиночке, считали неперспективными, собирались стиснуть из секции. Изъяны у них, по тренерскому разумению, были весьма серьезны: высокорослы, длинноноги. Мышцы у таких явля, не то что у коротышек, подвижных, словно туго накаченный мяч. Эти же пока соберутся да пока прыгнут... Словом, кому охота возиться!

...Не нравились специалистам движения его рук. Поэтому и сам бег с точки зрения классической, не выдерживал критики. Но то Рон Кларк — знаменитый стайер, обладатель мировых рекордов.

А Кейлан Дейлстра! Сплошные недостатки. Ей ли заниматься коньками? Посадка при беге совсем непривычна. Движения резки, угловаты. А возраст! Целых тридцать! Да к

Ни Моисеева, ни Миненков и не ждали. Но тренировались в охотку. Тут нужно было время, чтоб исчезла детская угловатость и появилась легкая, ненаигранная подтянутость, строгость рисунка — у Андрея, очарование женской плавности — у Ирины...

Все это далось им. Ни раньше, ни позже — в срок. Теперь и спрос с них особый. Они знают об этом...

...Забываешь о холоде. Смотришь с удивлением, как ложатся на лед пока лишь отдельные, еще и не совсем ясные, не связанные в единый чертеж штрихи; проблески движений, не законченных, не собранных в единый танец. Тренировка. Прошла машина — и нет росчерков, и снова перед тобой чистый, белый лед...

Новых чемпионов я записывал на пленку в спортивном Дворце ЦСКА после тренировки, поздним вечером. Гудение ламп дневного света портило запись. Пришлось их выключить. И в полутьме разговор пошел откровеннее: «Появился Пахомова и Горшков на льду Колорадо, мы бы не стали чемпионами...»

Выходит, подарок судьбы? Поверил бы в это и я. Такое нередко случается в спорте, но с «вечно вторыми». Взять тех же Л. Смирнову и А. Сурайкина. Казалось, не раз они были близки к победе. Но золотые лучи медалей неизменно ласкали других.

БЕЛЫЙ

тому же мать троих детей. И как она умудрилась стать чемпионкой мира?

А Схенк? Рост — почти два метра. Такому в баскетбол гонять, а он — на ледовую дорожку. Да еще и выигрывает золотые олимпийские медали у спортсменов, казалось бы, созданных для коньков...

Но эти трое побеждали, с их недостатками мирлись. Иное дело, когда ты делаешь только первые шаги и успехи еще так далеки. Здесь слово тренера — приговор!..

— С каким мальчиком хочешь кататься? — спрашивает Иру Моисееву тренер стадиона Юных пионеров С. Лясотович.

— Вот с этим! — указывает она на Миненкова. Как в белом танце: дамы приглашают кавалеров! Неперспективных решили соединить в пару (может, и выйдет толк), передать И. Кабанову, тренеру по спортивным танцам на льду. Дальше, как у многих — тренировки, выступления. Опять тренировки. Старты. Места в первой десятке.

Кабанов расстался с тренерским жезлом. Пошел определять их к Тарасовой. Та ни в какую. «Не возьму» — и все тут! Тренер она молодой, но человек без полутонов. Никогда не поступил своими убеждениями. Сумеешь доказать свою правоту — пойдет навстречу. Моисееву и Миненкова взялась тренировать после долгих уговоров. Но если уж взялась... Работает она всерьез. Не щадит никого. Усталая, больная, а голос тверд. У такой поблажек не жди...

ТАНЕЦ

То, что произошло на тесном заокеанском катке, лишь внешне напоминало расхожее начало многих актерских биографий, когда внезапная болезнь премьера открывает молодому дарованию путь к признанию. По сути, все было по-другому.

Вы сами услышите слова И. Моисеевой на звуковой странице: «Мы ни разу не были ни третьими, ни вторыми, ни первыми ни на первенстве Европы, ни на первенстве мира...» Стало быть, новые чемпионы возникли из неизвестности. В Колорадо они сделали рывок через все барьеры — побеждая и третьих и вторых, побеждая в невидимой борьбе нервов и тех, не присутствовавших, первых. Счастливым случай здесь ни при чем. Не было случая. Побывав на тренировках новых чемпионов, я укрепился в этой мысли.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент «Кругозора»

Слушайте четвергую звуковую страницу.

Татьяна Тарасова, тренер:
ЛЕГКО ЛИ СОЗДАТЬ СПОРТИВНУЮ ПАРУ?..

Андрей Миненков:
БЫЛО ВЫСОКОЕ НЕРВНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ...

Ирина Моисеева:
НАС МНОГИЕ СПРАШИВАЛИ ПОТОМ:
КАК ВЫ СЕБЯ ЧУВСТВУЕТЕ В РОЛИ ЧЕМПИОНОВ?..

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

На седьмой звуковой
странице—

«Что делать?»,

«У луны спрошу»,

«Жениху»

из «Лакских песен»

Ш. Чалаева

в исполнении

автора

и симфонического

оркестра

●●МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДАГЕСТАН-МОЙ ОГРОМНЫЙ

...Этот холм—Дагестан, эта тра-
ва—Дагестан, эта река—Дагестан,
этот снег на горе—Дагестан, это об-
лако над головой, разве оно не Даге-
стан? Тогда и солнце над головой
разве не Дагестан?..

Ширвани Чалаев родился в Хосре-
хе—горном лакском ауле. Зимой бе-
гал в сельскую школу, летом пас
овец, ловил форель в ледяной воде
стремительной Кули, лазил за ящери-
цами по скалам, слушал и пел песни.

...Хорошо подкован мой нетерпели-
вый, мой верный конь. Я сам поднял
каждую его ногу и проверил крепость
подков. Я оседлал коня, потянул за
подпругу... И каждый, мимо кого я
вел вдоль аула своего коня, пропу-
скал меня и говорил: «Счастливого
пути, бахарчи!»...

Он вырос и ушел из аула, еще не
думая, что песня станет его работой.
Сначала был токарем, в том учился
английскому языку в университете,
потом пришла песня, его песня.

...Для тех, кто песни поет, они деи-
ствительно наслаждение, но для тех,
кто их сочиняет, они работа, без сна и
отдыха.

Он пришел в музыку поздно, но
трудился по-крестьянски упорно.
«Умная пчела берет свой мед отовсю-
ду»,—говорят лакцы. Он изучал Баха
и Моцарта, Бетховена и Вагнера, Му-
соргского и Шостаковича...

МИР

Расул ГАМЗАТОВ

...Вот стою я перед горой, которую нужно перевалить. Добрый конь перевезет меня через любой перевал. Гора — моя тема, конь — мой язык, но нужно теперь мне выбрать тропу...

И когда он уже был автором первой национальной симфонии, концертов и сонат для фортепьяно, скрипки, виолончели, флейты, кларнета, автором оперы, пришли его «Лакские песни».

...Мой отец всегда ходил в Хунзах не общей дорогой, а по своей собственной тропинке. Он ее наметил, он ее проторил, он ходил по ней каждое утро и каждый вечер. На своей тропинке умел находить удивительные цветы. Он собирал их в еще более удивительные букеты...

«Лакские песни» стали для Ширвани Чалаева его тропой, его цветами, выросшими на чистом горном воздухе. Их мир — жизнь крестьянина дагестанца, его быт, взгляды, бычаи.

...Слова, разговор пропусти через сито — получишь песни. События, дела людей, всю жизнь пропусти через сито — получишь песни...

«Лакские песни» Ширвани Чалаев поет сам. В его красивом горланном голосе — характер горца: гордый, щедрый... и нежный. Он представляет нам дагестанскую песню во всем ее пылком и пыльном убранстве, и в то же время звучит она легко и просто, как будто родилась только что.

МУЗЫКА ТЕЛЕЭКРАНА

10

Все так узнаваемо: Анатолий Егоров — стремительный и сдержанный, ребячливый и серьезный Димка Жариков. Та же прическа. «И куртка с капюшоном та же, из телеповести. — смеется он, — испытанный боевой друг».

Тот и не тот, конечно. Потому что артист играл не себя, а именно Вадима Жарикова, смешного, нескладного паренька, удрученно и с какой-то безнадежностью мечтающего о большой, настоящей любви, такого неспортивного, такого негероического, что сразу и не подумаешь, что именно он способен стать лирическим героем всей второй части телевизионного повествования.

Случилось обыкновенное чудо: его полюбила необычная, необъяснимая девчонка, искренняя, порывистая, как стихия, вся — движение, неуспокоенность, вся пере-

про любовь

полненная жаждой деятельного добра. И эта оглушающая, огромная любовь преворачивает Димку.

На крохотном драматургическом пространстве (роль Жарикова очень скупо обозначена автором) артист развернул историю нравственного взросления, возмужания своего героя. Он провел его через тревоги и надежды, первые радости взаимного чувства и мучительные сомнения. Сам актер считает, что он играл человека, оказавшегося несостоятельным при испытании истинной любовью. Он ошибается. Его Вадим так умеет любить — преданно, нежно, сильно, страдая, очищаясь от ребяческой робости и скованности. Где-то за пределами пьесы он совершает свой единственный решительный поступок — бросив все, уходит за любимой. Но мы-то к этому были готовы: мы видели истинно любящего человека.

Говорим с Анатолием о музыке телеповести. Он очень любит Таривердиева: «Так самобытен, ни с кем не спутаешь. Жаль только, что в процессе съемок его прекрасная музыка не могла влиять на актерское самочувствие: для нас она возникла позже, при монтаже фильма».

На звуковой странице музыка к телеповести «Ольга Сергеевна». Исполняют ансамбль скрипачей ГАБТ и И. Кобзон
Фото В. Арутюнова и А. Агеева

Инесса РУДЭН

певец представляет песню

Сергей МИХАЛКОВ,
Герой Социалистического Труда

Дин РИД: Когда я узнаю, что многие мои чилийские друзья убиты, многие ранены, вернуты пыткам, брошены в тюрьмы, оказались в изгнании, трагедия стала моей трагедией. И я отдаю всю свою жизнь и все свое умение, чтобы помочь чилийскому народу бороться за демократические свободы. Против фашистской хунты направлена моя песня «Убито сотню—нас осталось тысячи».

Александр ГРАДСКИЙ: Стихотворение Николая Асеева «Испания», посвященное замечательному поэту Лорке, легло в основу одной из первых моих песен.

Почему ж ты, Испания, не небо глядела,
Когда Гарсиа Лорку
увели для расстрела...

Асеевские стихи, рождая гнев и боль, зовут к солидарности. И песня нашла отклик в сердцах моих сверстников.

Сценическая история произведений Щедрина незаслуженно бедна. Для театра он писал мало, только в начале творческого пути. А инсценировки зрелого Щедрина, за исключением, пожалуй, «Господ Головлевых», до обидного редко появлялись на русской и советской сценах.

Общезвестно, что В. И. Ленин в 1912 году советовал редакции «Правды» время от времени «вспоминать, цитировать и растолковывать» в газете Щедрина. Известно также, что еще до революции В. И. Ленин сказал М. С. Ольминскому, первому марксистскому исследователю и пропагандисту Щедрина, что в будущем придется «оживить полностью Щедрина для масс, ставших свободными и приступающих к строительству своей собственной социалистической культуры».

Один из путей растолковывания и оживления Щедрина закономерно проходит через театр. И с этой точки зрения мне особенно дорога реплика, которую я однажды услышал за своей спиной в зрительном зале «Современника»: «А, пожалуй, надо бы перечитать Щедрина...»

«Современная идиллия» — один из самых саркастических романов сатирика, редкостный по силе ненависти к самодержавию. К этому произведению мы и обратились вместе с коллективом театра «Современник» и режиссером, лауреатом Ленинской премии Г. А. Товстоноговым. В. И. Ленин не раз пользовался образом Балалайкина — персонажа из «Современной идиллии» — для характеристики пустозвонства, авантюризма, лжи и своекорыстия буржуазного либерализма. Именно поэтому песня называется «Балалайкин и К°». Мы не позволили себе вставить в пьесу ничего, кроме необходимых связок. Щедрин должен был оставаться живым на все времена.

Что же происходит в спектакле и кто его герои? Прежде всего это два перетрусивших либерала — Рассказчик и Глумов. Всякая «грешки» молодости, они «годят», переживают, спрятавшись дома, а затем, чтобы еще истовей доказать свою «благонамеренность», начинают сотрудничать с полицией. Это они помогают околоточному надзирателю устроить фиктивный брак Балалайкина с содержанкой купца Парамонова Фаинушкой. Балалайкин в результате этого окажется двоеженцем, а Глумова сама Фаинушка возьмет к себе на содержание. А мораль такова: чем подлее, тем лучше. Чтобы доказать «благонадежность», готовы, мол, на все.

Конечно, не только в обличении царского самодержавия или идеологии российского либерализма заключается живое значение «Современной идиллии» для нашего общества. Щедринская критика общих норм общественного сознания и поведения с точки зрения высших идеалов помогает нам в наших сегодняшних трудах на ниве коммунистического воспитания человека.

Вовсе ли свободны иные наши современники от духа себялюбия, карьеризма, стяжательства, пошлости, подхалимства? Нужны ли нашей социальной педагогике средства могучей художественной сатиры, средства публично проповедуемого презрения ко всем и всяким носителям шкурного интереса?

Ответ на эти вопросы ясен. Более того, в наше время борьба с подобными явлениями, антиподами коммунистической морали, представляется нам особенно важной и значительной. Воспитательно-гражданственное значение образов Щедрина поистине огромно. Все средства и формы его осмеяния и отрицания подчинены пропаганде идеалов будущего, социалистических идеалов.

Это должен ощутить и зритель щедринского спектакля.

КОМПАНИЯ И БАЛАЛАЙКИН

ТЕАТР «РЕВИЗОР»

К 150-летию М. Е. Салтыкова-Щедрина

Олег ТАБАКОВ,

лауреат Государственной премии СССР

Не часто получаешь роль, которая бы помогала актеру выявить сильные стороны его способностей. И в этом смысле встреча с романом «Современная идиллия», а впоследствии с пьесой «Балалайкин и К°» была для меня из редких и удивительно радостных.

В персонаже меня всегда интересует крайнее состояние характера, так, чтобы амплитуда колебаний была как минимум 240 градусов. При такой амплитуде можно докопаться до самых редких и самых неожиданных проявлений человеческой души. Вот такой чрезвычайный материал, но который кажется и реальным, поскольку реальность его идет от самого русского характера, дает почти в каждом своем произведении Салтыков-Щедрин.

Это «правдоподобие невероятного», с которым Салтыков-Щедрин пишет своих героев, удивительное свойство его таланта, как и таланта Гоголя или Булгакова, очень близко мне как актеру. Я неистовый поклонник именно этого направления в русской литературе. И в свое время, например, не имея возможности сыграть Хлестакова в родном «Современнике» — мы не ставили «Ревизора», — я поехал в Прагу, чтобы все-таки осуществить эту мечту.

Адвокат Балалайкин — фигура такая же чрезвычайная, как и Хлестаков. Фигура почти фантазмагорическая. Человек, который крутится как белка в колесе, берет-ся за все для всех, не брезгуя никаким заработком, от рубля и выше.

Но играть его просто смешным или просто забавным никак нельзя. Фигура эта совсем не однозначная. На свадьбе, когда выволокут его городовые к невесте с заломленными назад руками, крикнет он со слезами на глазах: «Доченьки мои!» Именно за то, чтобы обеспечить сносное существование своим восьмерым доченькам, он и пойдет на преступление.

Человек, я бы сказал, последней безнравственности, он вместе с этим отнюдь не хозяин положения, а также жертва своего времени, жертва системы, в которой живет и которой служит. И безнравственность его всегда отдает полойной горечью, это безнравственность бедного человека, имеющего большую семью и борющегося за кусок хлеба. Правде, не просто за кусок хлеба, а за кусок хлеба с маслом, а по праздникам с маслом и с икрой... Но не в силу ли именно многомерного взгляда на своих героев столь интересны и современны щедринские произведения?

Балалайкин появляется во втором действии и, по существу, сразу же дает представление в представлении. Сейчас предложат ему самую выгодную в его жизни сделку. Его лицо меняется ежесекундно, он проговаривает слова в ажиотации, бросается на пол, вскакивает на стол. В этом откровеннейшем уроке хамелеонства и цинизма он несет со «спущенными тормозами»...

На пятой звуковой странице — сцена из второго действия, к которому вас отсылают и две верхние фотографии. Идет «торг за Фанюшку».

Фото Л. Лазарева

— Ты слушаешь или нет?
— Слушаю. А что я еще делаю?
— Думаешь про свое.
— Ничего я не думаю про свое. Со мной все ясно. Если кастрюлю поставить на самый сильный огонь, суп выкипает, и все.

— Суп?—переспросила Татьяна.
— И любовь тоже. Нельзя создавать слишком высокую температуру кипения страстей. У поляков даже есть выражение: «нормальная милошчь»—это значит «нормальная любовь».

— Тебе не интересно то, что я рассказываю?—заботливо спросила Татьяна.

— Интересно. Рассказывай дальше.

— А на чем я остановилась?

...Был первый день летних каникул. К каждому аттракциону тянулась очередь в полкилометра, и весь парк был пересечен этими очередями.

Ленка, Юлька и Наташка пристроились на «летающие качели». Они стояли уже

Ленка и Юлька страдали молча. Они были воспитаны, как солдаты в армии, и послушаться приказа им просто не приходило в голову.

— Пусть стоят,—сдалась Татьяна.

Наташка тут же вознесла руки над головой и завопила:

— Урра-а!—приглашая подруг ко всеобщему ликованию. Юлька деликатно проговорила «ура» и засветилась бледным, безупречно красивым личиком. А Ленка промолчала. Ей требовалось время, чтобы выйти из одного состояния и переместиться в другое.

Я встала в очередь, и эта же самая гипнотическая покорность судьбе опутала и меня.

Аттракцион рассчитан на четыре минуты. Надо ждать два часа. Надо ждать в тридцать раз больше, чем развлекаться. И так всю жизнь: соотношение ожидания и праздника в моей жизни—один к тридцати.

Виктория
ТОКАРЕВА

ЛЕТАЮЩИЕ КАЧЕЛИ

час, но продвинулись только наполовину. Впереди предстоял еще час.

Ленка и Юлька были близнецы. Изящные, как комарики, они вызывали в людях чувство умиления и опеки.

Моя Наташка как две капли походила на меня и одновременно на тюфячок, набитый мукой. Она была неуклюжая, добротная, вызывающая чувство уверенности и родительского тщеславия.

Полуденное солнце пекло в самую макушку. Подле очереди на траве сидели женщины и дети.

— Как в эвакуации,—сказала Татьяна.

— Интересно, а чего они не уходят?

— А чего мы не уходим?

— Пойдемте домой!—решительно распорядилась я.

Ленка и Юлька моментально поверили в мою решительность и погрузились в состояние тихой паники. Наташка тут же надела гримасу притворного испуга.

— Ну, пожалуйста, ну, мамочка... ну, дорогая...

А может, мы с Татьяной еще молоды, и ждем от жизни больше, чем она может нам предложить. Может, мы живем невнимательно и неправильно распределяем свое внимание, как первоклассник на уроке?

Татьяна стояла передо мной. Я видела ее сиротливый затылок и заколку с пластмассовой ромашкой. Должно быть, одолжила у Юльки или у Ленки.

Татьяна обернулась, посмотрела на меня сухим, выжженным взглядом.

— У него позиция хуторянина,—сказала она. Вспомнила, на чем остановилась.—Позиция: «мое» или «не мое». А если «не мое», то и уходи.

— Но ведь все так,—сказала я.

— Но как можно уйти, когда чувство?

— Во имя будущего. В ваших отношениях нет будущего.

— Будущее...—передразнила Татьяна.—Наше будущее—три квадратных метра.

— Значит, он ищет ту, которая его похоронит.

— Не все ли равно, кто похоронит. Надо искать ту, с которой счастье. Сегодня. Сейчас.

Татьяна смотрела на меня истово, как верующая, и мне тоже захотелось счастья сегодня, сейчас. Я даже оглянулась: не стоит ли оно у меня за спиной?

Подошла наша очередь. Заведующая аттракционом, тетка с толстыми ногами, отомкнула калитку и стала запускать очередную партию страждущих.

Дети как-то мгновенно похудели, а глаза стали больше, будто часть их плоти переместилась в глаза.

— А нам билеты?—вдруг спохватилась Татьяна.

Я сообразила, что мы не взяли себе билеты.

Дети обернулись. Они смотрели, как зверьки, заслышавшие чужие шаги. Заставлять их ждать снова было невыносимо. Мы просто могли сорвать их надежду. На качели они попали бы сломленными, и радость уже не достала бы их.

— Успеем,—сказала Татьяна и провалилась сквозь землю. Дети вывернули головы и стояли так до тех пор, пока Татьяна не возникла обратно на прежнем месте.

Тетка тем временем нажала кнопку. Столб перестал крутиться, и «летающие качели» вернулись на круги своя.

Девочки напряглись, как перед стартом на первенство Европы. Потом в какую-то секунду мы все оказались в калитке, а в следующую секунду—на круглой деревянной площадке.

Наташка, Юлька и Ленка метнулись в одну сторону. Наташка первая взгромоздилась на скамеечку. Между Юлькой и Ленкой произошла страшная кратковременная борьба за место возле Наташки. Юлька удачным приемом отпихнула Ленку и села.

Мальчик в беретке отпихнул Ленку и сел следом за Юлькой. Вокруг шустро рассаживались дети и взрослые.

— Лена!—крикнула Татьяна.—Иди сюда!

Ленка не двигалась. Татьяна подбежала к дочери и потащила ее на другую половину круга. Ленка зарыдала.

— Ну, какая тебе разница, где сидеть?—спросила Татьяна, как бы снимая этим вопросом всю несправедливость.

— Да... да, а почему опять я? Почему все время я?

Татьяна посмотрела на свою дочь, обиженную людьми и, как ей показалось, богом, и ее лицо сделалось проникновенно грустным. Она прижала Ленкину голову к своей щеке. Ей тоже хотелось плакать. Я видела, как подталя у нее глаза, определились морщинки, и в молодом ее лице проглотили черты будущей старухи.

Юлька и Наташка выглядели воровато, как мыши. Ленкино страдание все же достало их и легло на душу легкими угрызениями совести, смешанными с эгоистическим удовлетворением.

— Мам!—Наташка помахала из-за цепи своей кургузой ручкой.

— Сиди!—резко ответила я, хотя Наташка была абсолютно ни в чем

Рисунок
В.Белкиной

не виновата. Просто некрасиво быть благополучной, когда другие страдают.

Татьяна усадила Ленку на свободную скамеечку и пристегнула перед ней ремешок.

Тетка нажала кнопку на своем пульте управления, и круглый диск начал медленно вращаться.

— Леночка!—крикнула Татьяна. Это значило: «Леночка, посмотри, как хорошо, а будет еще лучше!»

Но принципиально грустная Ленка сидела с окаменевшим профилем и не повернула головы.

Я полетела в небо. Сердце толчками переместилось в пятки. Потом я полетела к земле, и сердце медленно, туго подплыло к горлу. Я не чувствовала напряжения цепей, и мне казалось: падению не будет конца. Но вот цепи натянулись, я поняла: не выдержат. Сейчас рухну, и взорвусь, и через боль перейду в другое существование. Но в этот момент меня понесло в облака.

Снова не было натяжения цепей, и казалось: вознесению не будет конца.

Из ниоткуда, как во сне, на меня наплывает моя дочь, смуглая и яркая, как земляничка... Она беззвучно хохочет. Ее дивные волосы текут по ветру.

Вот мои молодые родители: папа в военной форме, мама в крепдешиновом платье, синем в белый горох.

Мама наклоняется к папе и показывает на меня:

— Это твоя дочь. А ты не хотел...

А вот, стоя ногами на качелях, раскинув руки, как распятые, летит мой любимый. Он не хуторянин. Нет, он бродяжка. Он никогда не бросит, но и себе не возьмет. Он разобьет на мелкие кусочки, а осколки положит в карман.

Он летит, как таран. Я едва успеваю увернуться.

— Не улети!—кричит он мне.

— Я больше не люблю тебя!—кричу я, и мне становится легко. Так легко, что я не чувствую своего тела.

Я пою. Но пою не напряжением горла. Просто песня вместо меня. Я свободна от прошлого. Я готова к новой любви. Как зовут тебя, моя новая любовь?

...Четыре минуты окончились.

Мы отстегнули ремешки и сошли на деревянный диск. Потом прошли сквозь калиточку, спустились на землю.

— Чем кормить?—спросила себя Татьяна. Она была уже дома.

Обед у меня был. Меня мучили другие проблемы. И мой побродяжка уже шел по моей душе, выбирая осколки покрупнее, чтобы наступить на них своей интеллигентной пяткой.

Юлька, Ленка и Наташка стояли рядом. Переживали каждая свое: Юлька была бледная, почти зеленая. Ее мучило от перепадов, и она испытывала общее отвращение к жизни.

Ленка смотрела перед собой в одну точку, и ответ пережитого восторга лежал на ее лице.

Наташка уже забыла о «летающих качелях». Ей хотелось на «чертово колесо». Она сложила руки, стала неуверенно торговаться, не веря в успех.

Жизнь представлялась ей сплошной сменой праздников.

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Скольким замечательным песням дала путевку в жизнь Майя Кристалинская! С ней много и охотно работал Аркадий Ильич Островский. Его «Аист», «Почему же я одна?», песни из цикла «А у нас во дворе» до сих пор звучат в ее исполнении.

У Майи Кристалинской мягкая и доверительная интонация. Всегда кажется: она поет о тебе, о твоей собственной судьбе. И люди, которые знакомы с ее творчеством, любят ее особой любовью, глубокой и некрикливой. Таков и талант артистки — серьезный и искренний.

Майя Кристалинская чужда внешних эффектов. Все, что делает она на эстраде, подчинено главному — раскрытию образа песни. Отсюда также внимание к поэтическому слову, отсюда любовь к героям с богатым внутренним миром, к людям нелегкой судьбы. И мы будто

НЕЖНОСТЬ

знакомы с героями ее песен. Просто Майя Кристалинская заставила нас навсегда их полюбить: и женщину, посадившую березку на Мамаевом кургане, и тетю Тоню с пошивочной фабрики, которая только что, в этот вот понедельник, ушла на пенсию...

О ком бы и о чем бы ни рассказывала с эстрады или по радио певица, это всегда голос человека наших дней, с его острым чувством ответственности, доброты, правды и нежности. Для нее пишут песни С. Туликов, Я. Френкель, Э. Колмановский, Дм. Покрасс, другие наши композиторы. И я верю: многим, еще очень многим песням даст свою очень индивидуальную, неповторимую окраску заслуженная артистка РСФСР Майя Кристалинская.

Александра ПАХМУТОВА

Фото А. Лидова

**На восьмой звуковой странице —
песни советских композиторов
в исполнении М. Кристалинской.**

ПОСТИГАЯ ПРЕКРАСНОЕ

Фото
Ю. Моргулиса

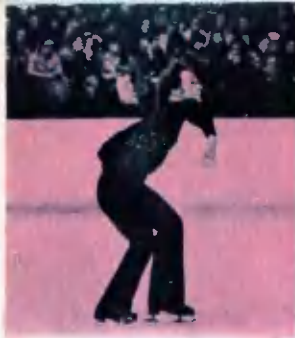
Можно долгие годы играть на театральной сцене главные роли, иметь ровный успех, а известным широкой публике быть благодаря одному блистательному эпизоду в одном нашумевшем кинофильме.

Иное в фигурном катании. Мы любим «Кумпарситу» Пахомовой и Горшкова, истинный бриллиант их танцевального репертуара. Мы в восторге от «Калинки», неуязвимого шедевра Родниной и Зайцева. Но мы отлично понимаем, что это для них не главное, что показательные номера — это, так сказать, шутки гениев, главное же — номера спортивные, козырные карты большой игры, ставки в которой — победы и титулы.

Есть в мире только один фигурист, громкая слава которого добыта не на спортивном, а на концертном льду. Мы имеем в виду канадца Толлера Крэнстона.

Его танцы тиражированы телевидением на целый свет. Лучший из них, по-моему, тот, который сопровождается ариозо Канио из «Паяцев» Леонкавалло. Вернее, «сопровождается» не то слово. Крэнстон танцует Канио, давая собственную трактовку тому, что пето, перепето и даже запето многими и многими бельканто.

Его бельканто — фантастическая техника: крылатый прыжок «шпагат», изысканно графически выразительный прыжок «олень», но, пожалуй, кульмина-

БЕЛЬКАНТО ТОЛЛЕРА КРЭНСТОНА

цию танцевального монолога составляет непостижимая комбинация вращений. Она начинается с «либелы», и дальше — «волчки», «заклоны», смена ног, снова «либела»... Крэнстон виртуозно владеет телом: сохраняя темп вращения, он ухитряется сжать голову руками, обвить ими себя, раскинуть их, поднять ввысь и уронить... Его жест предельно отточен и вместе словно бы первоиздан, как будто рожден са-

мым вращением, которое, в свою очередь, есть лишь крайнее, предельное выражение обуревающих его чувств. Чудится, что движения его так бурны и прихотливы не потому, что он властен над собой, а именно потому, что не властен, что сила страдания кружит его и изламывает и, наконец, повергает на лед.

Канию в исполнении Крэнстона страдает не оттого, что ему надо веселить публику в тот момент, когда Арлекин похитил Коломбину, он просто страдает, он средоточие страдания, физическое выражение душевных мук.

Очевидно, этот танец — своеобразный эпиграф ко всему творчеству Крэнстона: он же сам говорит, что страдание служит пищей ему как спортсмену и как художнику, что душа его мучительно раздвоена между живописью и спортом, что он и в том и в другом жаждет достичь совершенства, но печально осознает невозможность этого. Двадцати-

шестилетний житель Торонто представляет в наш век узкой специализации фигуру удивительную. Как живописец-профессионал, он известен в Канаде и в Европе: у него было немало персональных выставок, его цветистые полотна ценятся и раскупаются. Вместе с тем — это и поразительно, что вместе с тем! — он видный спортсмен, постоянно претендующий на самые высокие мировые титулы.

Правда, одно дело — претендовать, другое — завоевывать эти титулы. Мне кажется порой, что для успеха в борьбе за них Крэнстону недостает некоей доли простой и прочной человеческой обыкновенности. Той, что дает веру в себя, покой в миг непокой и злость, когда надо быть злым. Той, которая избавляет от сомнений и метаний, наверняка обуревающих артистическую натуру Крэнстона. Западные журналисты зовут его «райской птичкой». По-моему, очень точное определение. Но спорт не рай.

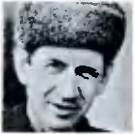
Станислав ТОКАРЕВ

Творчество Толлера Крэнстона представлено в «Кругозоре» в нескольких изменениях. Перед вами — фотофильм его катания и живопись. На звуковой странице — эхо спектакля на льду с комментариями журналиста С. Токарева и ариозо Канию из «Паяцев» Леонкавалло в исполнении дель Монако.

Б. АРБУЗОВ, академик, Герой Социалистического Труда (Казань). *Монолог «Привык работать своими руками»* (№ 1).

В. СЕРИКОВ, строитель. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР (Мурманск). *Монолог «За что аплодирует страна»* (№ 7).

Б. ЧИРКОВ, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. *Звуковой рассказ «Голоса войны» («Колобок» № 5).*

Е. КАМБУРОВА, певица, лауреат премии Московского комсомола. *Исполнение гражданских песен (№№ 4, 10) и песен Шуберта («Колобок» № 3).*

А. БОРИСОВ, художник. *Обложка «Победе—30 лет»* (№ 4).

М. СОБОЛЕВА, педагог (Нерехта). *Звуковой рассказ «Эта птица—праздник»* (№ 9).

А. ЛЕОНОВ, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. *Статья «Краски Земли и космоса» и репортаж с орбиты* (№ 12).

Луис Альберто КОРВАЛАН (посмертно). *Звуковое письмо отцу* (№ 5).

Г. ЧУХРАЙ, кинорежиссер, лауреат Ленинской премии. *Статья и монолог «Что найдено в пережитом»* (№ 7).

А. ГАЛЬПЕРИН, журналист. *Звуковые портреты Равеля (№ 2), Экзюпери (№ 4), Шопена (№ 10).*

1 (142) январь

1976 г.

Год основания—
1964

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ**

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1976 г.

На первой странице
обложки:
Старты
Белой
Олимпиады
Рисунок художника
С. Алимova

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
24.XI 1975
Б 04826. Подп. к печ.
2/XII 1975 г.
Формат 60×84¹/₂
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 1470. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **«Мы всегда оставались борцами».** Воспоминания большевика-ленинца Н. А. Кингина.
2. **Вам продолжать.** Слово к молодому рабочему, космонавта, ученого.
3. **Все—за одного.** Хоккейная команда и ее вратарь.
4. **Белый танец.** На льду—чемпионы мира Ирина Моисеева и Андрей Миненков.
5. **Олег Табаков** в спектакле «Бала-лайки и К°».
6. **«Паяцы» Леонкавалло.** Версия Толлера Крэнстона.
7. **Композитор Ширвани Чалаев:** «Лакские песни».
8. **Поет Майя Кристалинская:** «И меня пожалеи» (А. Пахмутова, И. Гофр), «В Подмосквовые ловятся леици» (В. Шаинский, Э. Успенский), «Колыбельная» (Э. Колмановский, К. Кулиев, Н. Гребнев).
9. **Песни солидарности** в исполнении Александра Градского (СССР) и Дина Рида (США).
10. **Музыка Микаэла Таривердиева** к телеповести «Ольга Сергеевна» (стихи Д. Самойлова).
11. **Мирей Матье** (Франция): «Любовью и жизнью я обязана тебе» (Ф. Жеральд, П. Карли), «Рим, Рим, Рим...» (Р. Бернз, К. Брюн).
12. **Удо Юргенс** (Австрия): «Мария» (Л. Бернштейн), «Мечты» (У. Юргенс).

Главный редактор **Б. Л. ТИХОНЕНКО**

Редакционная коллегия

В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора), **И. Д. КАЗАКОВА**

Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, **А. Г. ЛУЦКИЙ** (главный художник)

В. В. МАНИОН, **Н. С. СУББОТИН** (главный режиссер)

Технический редактор **Л. Е. Петрова**

Пишите нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25, «Кругозор»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «КРУГОЗОР» ОТМЕТИЛА КАК ЛУЧШИЕ СЛЕДУЮЩИЕ МАТЕРИАЛЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1976 ГОДУ:

ГОСТИ СССР

И снова голос Мирей Матье приблизился к нам. Слов нет, в доисторическом промежутке между ее гастрольями у нас шли радиопередачи, в телетрансляциях нам посылался теперешний облик Мирей — повзрослевшей, совсем иной певицы, счастливо перемонтировавшей, как сказали бы декораторы, пластические спектакли, обрамлявшие каждую ее песню. Линии исполнительского рисунка Матье стали более смелыми и прихотливыми. Сегодня в голосе ее различимы и интонации глубокой, чуть затаенной лирики. И эффект этой «приглушенной» исповеди тем сильнее, что порой она прорывается знакомым «криком» Матье — своеобразным певческим взрывом, сообщаящим, алу почти ощущаемую энергию.

И уже многое стоит за этой летящей вверх нотой, она осталась символическим камертоном артистического силуэта Матье, ее человеческой судьбы. Судьбы не только наделенной голосом и талантом девушки, но, как мы бы сказали, «простого и симпатичного человека».

Помню наш первый разговор как раз девять лет назад в Париже, где уже гремело ее имя и повсюду носилась легенда о наследнице Пиаф. Мирей лаконично, четко, достойно, но, казалась, по заранее выработанной схеме говорила о родном Авиньоне, о коню, сниск своих призах, о «великой артистке мадам Пиаф, которую никто и никогда не сможет заменить», о прогулках по Монмартру.

Тогда я попросил ее мысленно открыть семейный альбом и рассказать, как водится, про папу, про маму, братьев и сестер. И тут я увидел, наверное, один из самых очаровательных домашних спектаклей в мире. Передо мной, словно на

ПЕСНЯ-ПРИЗНАНИЕ

школьном и переменке, сидела озорная школьница и изображала в лицах свой дом. Она говорила: «Пала — каменотес Роже Матье. Дома он пел вместе со мной. Мама — Марселль — ведет дом и малышей. Сестра Моника — кокетство и лень, а Кристиан — меланхолия и трудолюбие. Мари-Франс — модница в стиле «йе-йе». Маленькая Режан возится с братьями и «смягчает» маму. Но наши мальчишки! (Я до сих пор слышу восторженную интонацию Мирей.) Это некто! Близнецы Реми и Сеги — футбол! И Роже — тоже футбол с утра до вечера! На них свысока смотрит Жан-Пьер — умница и первый ученик в классе. Жак-Филипп со своими оловянными солдатиками — настоящий дьявол! Маленькая Симона любит танцевать, а Беатрис — играть в куклы. И последний — самый маленький. — вздохнула Мирей и улыбнулась, заканчивая представление, — он все время спит, он только что родился».

...С тех пор прошло девять лет. Подросли братья и сестры Мирей Матье. Расширился ее мир. Изменилась и сама она, пройдя, пожалуй, самую сложную полосу жизни, постепенно заняв свое особое и никем не оспариваемое положение во французском песенном ареопаге. Положение певицы, в искусстве которой сосредоточились привлекательнейшие черты французской песни — мелодичность, простота текстового рисунка, близость к народному мелосу, — асе, что утвердило популярность этого искусства в мире. Теперь творческий диапазон Матье простирается от гимновой музыки — «Марсельезы», официальных мировых спортивных песенных эмблем — до юмористических музыкальных телесюжетов с переодеваниями. Но по-прежнему, окидывая взглядом свою летопись, 28-летняя Мирей Матье начинает отсчет сценической работы с песни «Мое кредо», со строчки «Я верю, что жизнь начинается словом «любовь»».

УДО ЮРГЕНС

12

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Австрия

«Трубадур из Каринтии», «наполеон мечты», «неотразимый романтик» — эти эпитеты одинаково стоят рядом с именем Удо Юргенса. И еще его называют «немецким чудом австрийского происхождения», имея в виду, что именно западногерманские музыкальные фирмы сделали имя австрийского певца Удо Юргенса знаменитым.

Успех пришел к Удо Юргенсу лет десяти назад, а до этого он долгие годы играл в провинциальных австрийских оркестрах, исполнял перед немногочисленной публикой неприятные шлягеры и песенки собственного сочинения. И это после пяти лет учебы в Клагенфуртской консерватории сразу по трем классам — фортепиано, пения и композиции. Это были трудные годы, когда от восьмичасовой игры за три шиллинга в час не проходили мозоли на пальцах. Не легче было и позже, когда вышла первая пластинка и началась, по словам певца, «настоящая, как в джунглях, борьба» за право на свой творческий стиль. Судя по тому, что совсем недавно Удо Юргенсу был вручен «Золотой лев» радио Люксембурга, он пока выходит из этой борьбы победителем.

Удо Юргенс — действительно современный трубадур, романтично и сдержанно тоскующий об ушедшей или несостоявшейся любви, негодующий по поводу несовершенств мира, в котором «на потеху сильным, праздных погибают матадоры». Музыку к большинству исполняемых песен Удо Юргенс пишет сам, стараясь, чтобы она как можно более соответствовала тексту. Мелодии его выразительны и, пожалуй, интернациональны.

На звуковой странице вы услышите его песню «Мечты» и «Марию» из кинофильма «Вестсайдская история».

Карина ПРОКУРАНОВА

Цена 1 руб.